

В августовском номере “Военно-исторического журнала” за 2007 год, который издаёт Министерство обороны Российской Федерации, была напечатана небольшая статья об Алексее Яковлевиче Закурко. Это хоть и запоздалое, но, безусловно, отрадное признание заслуг военного разведчика. В селе Архиповке Россошанского района Воронежской области, где он родился, его до сих пор вспоминают добрым словом. Здесь в 1936 году он закончил семь классов неполной средней школы. После трёх лет учёбы в Россошанском педагогическом училище Алексей Закурко вернулся в родную школу преподавать географию. 16 февраля 1940 года молодого учителя призвали на действительную службу в армию. С этого памятного дня для А. Я. Закурко начался невероятно трудный, полный лишений и опасностей путь, который закончился только после окончания Великой Отечественной войны. Личное знакомство с Алексеем Яковлевичем дало возможность автору частично воспроизвести пережитое им.

НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ

Службу в армии Алексей Закурко начал в полковой школе младших командиров 307-го запасного инженерного батальона. Через четыре месяца его выпустили сержантом. Службу продолжал в своей же части, вскоре переименованной в 193-й отдельный сапёрный батальон. В апреле 1941 года часть, в которой служил сержант Закурко, перевели в Литву в местечко Юдренай под Клайпедой, чтобы строить на новой границе долговременные оборонительные сооружения. От места, где располагался батальон, до Восточной Пруссии было всего шесть километров, а в батальоне на полтысячи бойцов имелось 130 винтовок и один пулемёт. Политруки эту фактическую безоружность объясняли красноармейцам батальона так: нам нужно показать немцам, что мы пришли сюда строить, а не воевать.

Батальон занимал хутор зажиточного литовского крестьянина. Хозяина не было – то ли за границу бежал, то ли в Сибирь отправили. Красноармейцы сапёрного подразделения размещались на чердаке огромного амбара, куда по наклонному бревенчатому помосту можно было заезжать на телеге. Все красноармейцы и младшие командиры батальона жили вместе. Спали на трёхъярусных нарах на набитых соломой матрацах. Работать приходилось по 12–14 часов в сутки. Вручную рыли котлованы, дробили камень, делали бетон для приграничных дотов и взлётной полосы строившегося рядом военного аэродрома.

Положение на границе становилось все напряжённее. Батальон часто поднимали ночью по тревоге. Часы, отнятые у сна, сапёрам не компенсировали –

темп работ снижаться не разрешилось. В распоряжении батальона почти каждый день наведывались пограничники соседней заставы, которым не давали покоя многочисленные нарушители границы. Приближался сенокос, а вместе с ним участились нелегальные переходы границы туда и обратно, которые вскоре приобрели массовый характер. В такой обстановке немецкому командованию было очень удобно засылать на советскую территорию своих шпионов. От них оно постоянно получало очень важную информацию о размещении советских войск и военных объектов в приграничной зоне.

Утром 22 июня батальон, как обычно, подняла труба горниста. По направлению к границе недалеко от расположения части находился большой карьер. Там почти всегда грохотали взрывы, с помощью которых добывали камень. Поэтому не было ничего удивительного в том, что командиры и красноармейцы батальона, в котором служил сержант Закурко, огонь немецкой артиллерии вначале приняли за работу своих подрывников. В батальоне все были спокойны до того момента, когда старший лейтенант, заменявший ушедшего в отпуск комбата, произнёс слово "война". Да и после этого Алексею не очень-то верилось, что война началась взаправду. Гул артиллерийской канонады стих, вражеские самолёты над расположением их батальона не появлялись, немецких солдат тоже никто не видел. Личный состав батальона построили поротно в походном порядке и повели на восток. Колонна сапёрного подразделения выглядела совсем не воинственно, большинство красноармейцев несли на плечах лопаты, кирки, топоры, пилы. Прошли километров десять. Немцев по-прежнему не было видно.

На просёлочной дороге батальонную колонну остановил какой-то начальник с четырьмя шпалами в петлицах. Вместе с ним было несколько военных с автоматами, а на обочине стояла машина, нагруженная ящиками с боеприпасами. Полковник приказал командиру сапёров передать в его распоряжение людей, у кого были винтовки, а остальным выдать по гранате и продолжать двигаться в тыл. Немцев хоть и не было слышно, но, по словам полковника, получалось, что они успели опередить отступающий батальон километров на сорок.

После этого шли ещё двое суток, почти не отдыхая. Держались глухих просёлков, лесных троп, удалённых от автодорог, по которым непрерывным потоком двигалась вражеская техника. На третий день на привале старший лейтенант вызвал Закурку к себе.

— Бери, сержант, полуторку и, кровь из носа, а доставь пакет нашему командованию в Псков, чтобы оно нас пропавшими не посчитало.

Батальон располагал единственной грузовой машиной, которая была оборудована газогенераторным двигателем. Были тогда у нас такие автомобили, что работали на дровах вместо бензина. Шоферил на этой машине лихой парень Федя, обладавший не только мастерством вождения, но и умением найти выход в критической обстановке.

Когда батальонный водитель вывел полуторку с просёлка на грейдер, глазам Закурко открылась печальная картина. По обочинам дороги то и дело встречались брошенные машины, повозки и другая техника, валялось множество оружия и иного добра. Но в тот момент Закурко ещё по-настоящему не почувствовал, что такое война. Она шла тут, совсем рядом, а он по-прежнему представлял её по кинокартинам "Чапаев" и "Мы из Кронштадта". Поначалу Алексей, как мальчишка, бросился собирать оружие. Навесил на себя пистолет, автоматическую винтовку СВТ, перекрестил грудь двумя пулемётными лентами. Обвешанный оружием, он тогда сам себе показался неуязвимым. Думал: пусть только попробует немец сунуться...

Но ненадолго юному сержанту хватило этой бравады. Утром над дорогой истошно завывали "Юнкерсы", загрохотали разрывы бомб, вместе с огненными столбами взметнулись вверх люди, лошади, машины. С того памятного момента Закурко на собственной шкуре ощутил кровавую суть войны, и его юношеский задор сразу как рукой сняло. Наутро следующего дня добрались до Риги. С трудом протискиваясь по узким, запруженным военным транспортом улочкам города, выехали на одну из центральных площадей, которая тоже была забита автомобильными колоннами отступающих войск. Объезжая стоящие слева и справа машины, Федя виртуозно крутил баранку. Они уже преодолели большую часть площади, когда с разных сторон, по преимуществу с верхних этажей зданий, был открыт плотный автоматнo-ружейный огонь. Людей

на площади охватила паника, они метались из стороны в сторону, попадая под пули. Федя не растерялся в этой неразберихе. Он рывком нажал на педаль газа и на полной скорости повёл машину к ближайшей улице. Опомнились только на окраине Риги.

Впереди у дороги стоял с поднятой рукой старый еврей с подростком. Федя притормозил.

— Возьмите нас с сыном, — попросил беженец и, указывая на мальчика, добавил: — Он пионер, боюсь, что немцы его убьют.

— Дорогу знаешь? — спросил шофёр.

Еврей в ответ кивнул головой. Когда Закурко с Феей посылали в Псков, в штабе их батальона не нашлось подходящей карты, поэтому в пути им приходилось следовать пословице: “Язык до Киева доведёт”. Знающий дорогу попутчик в их положении был настоящей находкой.

За Ригой взяли ещё двоих красноармейцев. Из брошенного склада запаслись продовольствием. С топливом для машины проблемы не было — дрова брали из лесных полениц, сложенных лесниками ещё в мирное время.

До старой границы, которая проходила у города Остров, доехали без приключений. Феде удалось стороной проскочить пограничный контрольно-пусковой пункт, у которого царило настоящее столпотворение.

ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

В Псков приехали засветло. После того как Закурко доставил пакет по назначению, его откомандировали в Новгород, в 25-й отдельный инженерный батальон. Здесь его зачислили в команду подрывников, которой поручили опасное задание. Семнадцать сапёрам предстояло взорвать переправу через реку Шелонь, находившуюся в 25-ти километрах от Новгорода. Сложность задания состояла в том, что взрыв необходимо было организовать после того, как немецкие танки переправятся на берег, занятый нашими войсками. Командование рассчитывало таким путём отсечь немецкую бронетехнику от пехоты. Сама переправа состояла из деревянных барж, которые удерживали прогоны и мостовой настил. Подрывникам подвезли несколько тонн взрывчатки, которую сапёры заложили в баржи. У каждого заряда должен был дежурить кто-нибудь из бойцов.

Закурко отчётливо слышал отзвуки боя, доносившиеся со стороны станции Сольцы. Через переправу непрерывным потоком двигались отступающие войска. В небе все время кружила “рама” — немецкий самолёт-корректировщик, который управлял огнём своих артиллеристов. Вражеские снаряды время от времени поднимали высокие столбы воды рядом с переправой. К мосту с правого и левого берегов почти вплотную подступали улицы двух деревень. От прямых попаданий начали загораться бревенчатые избы. Огонь быстро охватывал целые порядки домов и всё ближе подступал к переправе. От близких пожаров на баржах плавилась смола, кое-где возгораясь коптящим пламенем.

Первым сорвал с себя бушлат и бросился сбивать огонь красноармеец Игнатов. Вслед за ним принялись тушить начинающийся на переправе пожар другие сапёры. Только им удалось справиться с этой опасностью, как тут же они столкнулись с новой угрозой. Хорошо, что пытливый взгляд Игнатова вовремя заметил, что на берегу рядом с въездом на переправу загорелся сарай, в котором были складированы боеприпасы. Закурко бросился туда вслед за Игнатовым. Они едва успели вынести последний смертоносный ящик, как крыша сарая рухнула.

Ко второй половине дня пожар стих. Сапёры вместе с лейтенантом прилегли передохнуть на баржах. Дорога к переправе опустела: ни повозок, ни машин, ни людей, которые ещё два часа назад двигались почти сплошным потоком...

За деревней на противоположном берегу реки вдоль большака стеной поднималась пыль. Сначала сапёры подумали, что к переправе приближалась большая колонна противника. Они с тревогой всматривались в это, закрывающее солнце серое облако, ожидая, что вот-вот из него появятся немецкие танки. И, наверное, каждому из них в тот момент нестерпимо хотелось выскочить на ещё не остывшие от недавнего пожара доски моста, чтобы бежать в тыл, подальше от этого ужаса. Ведь подрывную команду для инициирования взрыва снабдили только огнепроводными шнурами. Они должны были оставаться

в баржах до тех пор, пока немецкие танки пройдут по мосту, и только потом, на глазах у вражеских солдат, поджечь шнуры.

Но что это? Стоящее над дорогой пыльное облако стало передвигаться не к мосту, а к станции Сольцы. К радости сапёров вскоре выяснилось, что наша только что вступившая в бой дивизия с боем выбила немцев со станции Сольцы, и необходимость во взрыве моста отпала. Наоборот, переправа теперь нужна была нашим наступающим войскам для связи с тыловыми службами.

Команду подрывников тут же сняли с переправы. Командование пообещало всех представить к наградам, а пока сапёрам дали пятидневный отпуск. Их отвезли в тыл в город Шимск, расположенный между рекой Шелонью и Новгородом. Перед этим население города полностью эвакуировали. Получилось, что в дни отдыха семнадцать сапёров подрывной команды были единственными обитателями опустевшего городка.

После пережитого на переправе Алексей Закурко с удовольствием предавался полному ничегонеделанью. Сапёров никто не беспокоил, если не считать наведывавшегося к ним майора Золотникова из разведотдела штаба фронта. Он подолгу беседовал с красноармейцами, интересовался их настроением, самочувствием, рассказывал интересные случаи из своей довоенной студенческой жизни, а под конец обязательно сводил разговор к работе разведчиков во вражеском тылу. Майор уговаривал Закурко и его товарищей идти служить во фронтовую разведку. Сулил обеспечение по высшему классу, мол, будете жить лучше, чем лётчики; обещал самое современное оружие, а при успешном выполнении задания – высокие награды. Рисуя жизнь разведчика, Золотников подпускал романтики, но не скрывал и опасностей этой трудной военной профессии. В общем, смотрите сами, ребята: или грусть в крестах, или голова в кустах. Майор умел найти подход к людям, недаром его до войны готовили для разведывательной работы во Франции. В последнюю встречу с сапёрами он был немногословен. Сразу перешёл к делу: “Кто согласен идти служить в разведку, собирайтесь, поедете со мной. Тех же, кто сомневается, завтра вернём в батальон”.

ВО ФРОНТОВОЙ РАЗВЕДКЕ

Сержант Закурко сразу решил ехать с Золотниковым. Из семнадцати подрывников в совхоз Борки под Новгород, где находилась база разведчиков, согласились отправиться десять человек. Там их сразу взяли в оборот. Учиться пришлось буквально от восхода и до заката. В классах не засиживались, над конспектами не горбились, а осваивали новую науку больше на практике. Готовили сразу три разведывательные и диверсионные группы. На всё про всё отвели одну неделю. Ситуация на фронте менялась стремительно, и командованию позарез нужны были сведения о манёврах противника. Поэтому наскоро подготовленные разведгруппы, не откладывая, перебросили за линию фронта. Вот так Алексей Закурко на 24-й день войны оказался в тылу у немцев в псковских лесах под городом Опочка. Он входил в группу лейтенанта Комкова, которой было поручено провести разведку глубокого тыла противника. Разведчики вели наблюдение за шоссевыми дорогами, выявляли места концентрации немецких войск, собирали сведения об их численности и составе. Проводить диверсии группе запрещалось.

Разведчики без потерь вернулись на “большую землю”, прошли тщательную проверку в особом отделе, определявшем степень благонадёжности каждого, кто побывал на вражеской территории. Группа немного отдохнула и снова отправилась во вражеский тыл выполнять новое задание.

Уже в феврале 1942 года командование отметило заслуги Алексея Закурко орденом Красного Знамени. Представляя разведчика А. Я. Закурко к следующей награде, начальник 3-го отделения разведотдела штаба Северо-Западного фронта майор Лихайван писал: “Закурко А. Я. с июля 1941 года работает заместителем начальника разведывательно-диверсионной группы. 5 раз выбрасывался с парашютом в тыл противника для выполнения специальных заданий военного совета Северо-Западного фронта. Участвовал в совершении диверсионных операций на участке железной дороги Порхов–Псков, Псков–Карамышево. Под руководством т. Закурко пущено под откос 9 воинских эшелонов противника с живой силой и техникой. Повседневно ведёт разведку врага и даёт ценные разведданные о противнике в интересах фронта...”

Накануне Нового 1943 года Закурко перешёл линию фронта в составе группы Виктора Федоренко. В группе было 10 разведчиков: 8 мужчин и 2 девушки. На этот раз опасная “командировка” затянулась. Командование фронта строжайше запрещало членам разведгруппы ввязываться в драку. Для штаба фронта иметь в тылу врага свои “глаза и уши” было важнее пущенных под откос вражеских поездов. Разведчики обязаны были своевременно передавать командованию информацию о передвижениях войск противника по железным и шоссейным дорогам. Немецкая контрразведка сбилась с ног в стремлении обнаружить разведгруппу, чтобы её немедленно уничтожить. Положение у разведчиков было сложным. В группе за 9 месяцев трижды менялись командиры. лейтенант Федоренко подорвался на mine. Сменивший его Белошев был ранен в стычке с власовцами, после чего роль руководителя пришлось взять на себя А. Я. Закурко.

Несмотря на потери в разведгруппе, новый начальник не падал духом. Он считал, что у них имелись неплохие условия для длительной и успешной работы в тылу. Возможность попасть под внезапный налёт карателей Закурко исключал. У разведчиков в Псковском районе почти в каждом селе были верные помощники. Они своевременно давали знать о приближающейся опасности, и это позволяло Закурко и его боевым товарищам уклоняться от встреч со спецподразделениями оккупантов. Но, возможно, эта уверенность в безопасности и подвела разведчиков.

Немецкая контрразведка в борьбе с подпольщиками, диверсантами и партизанами применяла разные методы. Она не только засылала в неблагонадёжные районы своих шпионов, но также всё чаще использовала для выявления мест расположения народных мстителей ложные партизанские отряды. Именно встреча с таким отрядом-подставой закончилась для Закурко и его группы трагически.

13 октября он с разведчиками Владимиром Егоровым и Геннадием Сорокиным заехал в село Темерево. Один из местных жителей им сообщил, что на село наступают партизаны. Разведчики чуть было не столкнулись с ними за деревенской околицей. Человек семьдесят шли к селу, развёрнутые в цепь, с приготовленным к бою оружием. Эти “партизаны” сразу не понравились Закурко. Он не мог понять, что заставило их наступать на село, где не было ни немецкого, ни власовского гарнизона.

Чтобы уклониться от встречи с подозрительным отрядом, Закурко и его спутники перешли на другую сторону села и попытались огородами уйти в лес. Но не тут-то было – путь к лесной опушке перекрыла дюжина вооружённых всадников. Это уже походило на западню.

Выскочили на окраину села. Впереди разлеглось поле, на котором только кое-где росли жидкие кусты. Укрыться негде, а “партизаны” их уже заметили и подняли крик: “Лови полицаев! Вперёд, за Родину, за Сталина!” Сзади раскатисто загрохотала пулемётная очередь. По веткам кустов защёлкали разрывные пули. Разведчики несколько раз поднимались, бежали что есть мочи и снова падали. Пулемёт захлёбывался очередями, но было ясно, что немцы огонь вели не прицельно. Преследователи явно хотели взять разведчиков живыми.

Падая после очередной перебежки, Закурко услышал хриплый голос Егорова: “Ребята, я ранен!” Алексей бросился к нему, позвал, но тот уже не слышал, направив в небо остановившийся взгляд – разрывная пуля попала ему в поясницу.

Бежать дальше не было смысла. Всё равно перестреляли бы, как куропаток. Закурко с Сорокиным развернулись в сторону преследователей и открыли по ним огонь из своих автоматов. Те начали обходить их справа и слева. Патроны у разведчиков скоро кончились. Закурко вынул гранату, отогнул зажим чеки и положил её рядом в шапку – это для себя. Автомат Геннадия тоже смолк. Пуля задела его правую руку. Из дырки в рукаве показалась струйка крови. Через пару минут в автомате Закурко не осталось ни одного патрона.

ПЛЕН

Алексей поднял голову, чтобы осмотреться. Рядом с ним стояли две лошади, всадники которых направили на него свои автоматы. На их кубанках были нашиты красные ленточки, а в одном из всадников Закурко узнал де-

вушку. Раньше ему никогда не приходилось видеть или слышать, чтобы у немцев или власовцев воевали женщины. Его на миг охватило сомнение: “А может, это и вправду свои?” Он поднялся в недоумении со словами: “Товарищи! Ведь друг друга бьём!”

“Товарищи” мигом окружили разведчиков, отобрали у них оружие, а один вихрастый ловкач тут же снял с руки Закурко часы. Подъехал ещё верховой со знаками отличия старшего лейтенанта и с ехидцей бросил: “Не думал, что мы так встретимся”.

Разведчиков повели в ближайший дом. В горнице за столом сидел капитан в кожаном реглане, который сразу же поинтересовался, какой недавно разведчики получили груз и где его спрятали. Закурко на вопрос ответил вопросом:

– С кем имею дело?

Ухмыльнувшись, капитан со скрытой угрозой в голосе ответил:

– Скоро узнаешь. Поделится бы тем, что руководители прислали группе. Нам для диверсий тол нужен позарез.

– Я бы поделился, но сам нахожусь в сложном положении. Три дня назад пропал мой заместитель, который принимал груз, а где он его забазировал, я не знаю. Постоянное же место определить ему мы не успели.

– Как работает рация? – продолжал допрос капитан.

– Рация в порядке, радист у нас – что надо.

– Может, позволишь мне радиограмму в центр отправить? Наша рация почему-то забарахлила.

– Рад бы помочь, но не могу по той же причине. Радист ещё не дал о себе знать.

Закурко давно понял, что за “капитан” перед ним. Тот явно играл с ним, как кот с пойманной мышью, и ему ничего не оставалось, как принять эту игру, чтобы потянуть время, которое позволило бы ему взвесить и оценить положение. Разведчик напряжённо думал над тем, как ему выкрутиться из этой смертельно опасной ситуации.

“Капитан” поскуцнел, поняв, что продолжать изображать из себя партизанского начальника бесполезно. Он посожалел, что разговор у них не получился, и бросил небрежно:

– Иди, погуляй на улице.

В сенях Закурко поджидали два автоматчика, которые во время прогулки следовали за ним неотступно. В этом селе бандиты, выдававшие себя за партизан, взяли ещё нескольких мужчин, которые по простоте душевной обратились к ним с просьбой принять их в свой отряд.

Под вечер всех арестованных со связанными руками отвели на ближайший полустанок, погрузили в товарный вагон и отвезли в город Остров, в тюрьму местной полиции. Здесь Закурко занялись немецкие контрразведчики. Его не били, но часто допрашивали и держали впроголодь – 200 граммов хлеба и стакан воды в сутки. Не добившись от арестованного желаемой информации, Закурко отправили в город Летцен, расположенный в Восточной Пруссии, в специальный лагерь. В конце 1943 года гитлеровское руководство после поражений вермахта под Сталинградом и на Курской дуге лихорадочно искало себе подручных для борьбы против наступающей Советской армии. Контингент в спецлагере был разношёрстным. Здесь сидели не только военнопленные, но и те, кто добровольно перешёл на сторону врага. В лагере на особом положении находились русские офицеры из эмигрантов. Георгиевские кавалеры щеголяли в старой армейской форме и, держась в стороне от пленных, забавлялись выпивкой и преферансом.

В лагерь регулярно наведывались вербовщики для отбора пополнения в разведшколы и власовские формирования. Закурко на первых порах нашёл хороший повод уклониться от этой вербовки. В тюрьме он подхватил чесотку. Его поместили в лечебницу, где Алексей быстро нашёл взаимопонимание с пленным врачом из Ленинграда Григорием Павловичем Кузнецовым, который постарался продлить болезнь своему пациенту. Но бесконечно водить за нос дотошных лагерных надсмотрщиков им не удалось. Пленного Закурко уличили в злостном саботаже и умышленном уклонении от вербовки на службу германскому рейху. За это “преступление” его сначала отправили в штрафной лагерь 1-В в Гогенштайне, а оттуда в числе 200 военнопленных офицеров-штрафников перевезли в Западную Германию под Ганновер.

От Нигбурга до небольшого хутора Кляйнлессена военнопленных гнали пешком в наручниках, скованных цепями попарно. На обширном помещицьем дворе стоял большой коровник. Новичков разместили на чердаке на трёхъярусных деревянных нарах.

На следующий день ни свет ни заря военнопленных отвезли на грузовиках за тридцать километров к станции Дипхольц, возле которой находился большой военный аэродром. Их возили туда каждый день. Объём работ задавала американская авиация, регулярно бомбившая этот аэродром. Русских пленных заставляли как можно быстрее засыпать воронки. Перед работой их разбивали на группы по 30 человек, и с них не спускали глаз шесть конвоиров. Во время налёта все пленные по команде ложились на землю. При этом подняться мог только один человек. Если одновременно поднимались двое, это уже считалось побегом, и охранники стреляли в тех, кто поднимался, без предупреждения. Однако поддерживать такой порядок во время бомбёжки было непросто. Земля от взрывов вставала дыбом, и у каждого от страха цепенела душа. К тому же, охрану составляли пожилые или ограниченно годные солдаты из резервистов, и в критической ситуации они вряд ли могли бы противостоять совместным действиям тридцати офицеров-фронтовиков.

ПОБЕГ

Мысль о побеге давно не давала покоя Алексею Закурко. Как-то он сказал об этом своим товарищам и узнал, что они озабочены тем же. Ночью тайком собрались на чердаке скотного сарая, чтобы наметить план действий и распределить обязанности. Больше всего внимания уделили разоружению охранников. Для этого отобрали наиболее физически сильных членов группы. Важно было также раздобыть карту и компас, без которых пройти сотни километров по территории враждебной Германии было невозможно. К предстоящему побегу каждый был обязан приготовить для себя НЗ, состоящий из пайки хлеба, маргарина, соли, спичек и верёвки.

В конце июля у Закурко и его друзей всё было готово к побегу. Но случилось непредвиденное. Американская авиация неожиданно прекратила бомбёжки аэродрома под Дипхольцем. Военнопленные стали возить на работу в разные места, и товарищам, вместе с которыми Закурко задумал побег, не было возможности попасть в одну группу.

Утром 5 августа 1944 года при распределении на работу Закурко попал в команду из 10 человек, которых с одним конвоиром послали в поле прочистить дренажную канаву. Случай для побега Алексей посчитал подходящим, несмотря на то, что в эту команду из тех, кто собрался бежать, попали только капитаны Дмитрий Вовенко и Василий Лебедев. Сам же Закурко попросился в эту команду в последний момент. При этом он, что называется, пошёл напролом. Когда переводчик из поляков поручик Кедава спросил его, зачем он хочет присоединиться к этим ребятам, Алексей неожиданно для себя признался: “Я сегодня бегу”. Ещё более неожиданным для него стало то, что поляк сразу же откликнулся на его просьбу. Он крепко пожал Алексею руку и пожелал успеха, добавив на прощание: “А я ещё не всё сделал”.

План действий обсудили на ходу. Капитану Вовенко предстояло завладеть оружием конвоира. Он знал французскую одиннадцатизарядную винтовку, которой был вооружён охранник. Алексей при этом должен был отвлечь внимание немца, а Василий — подстраховать момент, когда Дмитрий будет отнимать винтовку. Немца решили не убивать, а только снять с него одежду.

На работу военнопленные отправились с граблями, косами, вилами, наковальной и молотком для отбивки кос. В канаве стали так, чтобы тройка организаторов побега работала на одной стороне, а на другой стороне работали остальные. Охранник присел на бугорке с книжкой, положив винтовку рядом с собой на траву. Вовенко сделал вид, что у него затупилась коса. Он взял молоток с наковальной, подсел к немцу и начал отбивать косу. Алексей зашёл в канаву и не спеша двинулся к конвоиру, держа в руке сигарету, чтобы попросить у немца огонька. Закурко внутри пробирала нервная дрожь, и свою просьбу он почти прокричал. На неё неожиданно откликнулись пленные, работавшие по другую сторону канавы. Не подозревая о замысле своих товарищей, они дружно кричали: “Иди к нам, мы дадим тебе прикурить!” Это было совсем некстати, но вполне понятно — курева не хватало, и каждый из

тех, кто кричал, надеялся, что Закурко поделится с ним хотя бы одной затяжкой.

Алексей вынужден был подойти к позвавшим его товарищам. Он прикрикнул и жадно затянулся. Окружающий мир поплыл у него перед глазами. С досады на свою слабость, на то, что ему помешали, Закурко отдал сигарету ребятам и решительно направился к Дмитрию, чтобы взять у него молоток. Почти отчаявшись, он решил сразу же стукнуть охранника молотком по темени. Но Вовенко тоже уже был на пределе. Опережая Закурко, он бросился к немцу, схватил его винтовку и громко закричал: “Хенде хох!”

Немец опешил. Он таращил глаза, не понимая, зачем пленный заставляет его поднимать руки. Дмитрий щёлкнул затвором, но патрон застрял в патроннике. Опомнившийся немец проворно вскочил и бросился бежать в сторону хутора, где жили военнопленные. Алексей погнался за ним с молотком. Напуганный немец бежал, как заяц. “Уйдёт, гад!” – мелькнуло в голове у Закурко, и тут же почти автоматически он свёрнул молоток охраннику вдогонку. Тот от удара как-то неестественно согнулся и закружился на месте. Алексей схватил его и хотел свалить, но немец, здоровенный детина, устоял на ногах и попытался вырваться. “Вася, ко мне!” – позвал на помощь Закурко. Лебедев с Полтавцем подоспели вовремя, повалили охранника, и Закурко сел на него сверху, придавив руки коленями. Быстро снял с конвоира часы и начал искать в карманах компас. Алексей не заметил, как немец высвободил руку из-под его колена и вынул из ножен штык... В самый последний момент руку конвоира перехватил и прижал к земле Василий. Отобрав у немца штык, он тут же пристроил его себе на поясной ремень.

Обезоруженного и поверженного наземь немца быстро раздели и разули. Капитан Вовенко скомандовал: “Все ко мне!” Его первой мыслью было надеть немецкую форму и, изображая конвоира, поскорее увести товарищей от этого места. До обеда их искать не будут, а до этого времени беглецы смогли бы уйти далеко. Хороший замысел не сработал по простой причине. Мундир и штаны оказались Дмитрию впору, а сапоги никак не налезали на его крестьянские ножщи. Пришлось отказаться от переодевания и уходить так, как есть. Мешкать нельзя было ещё и потому, что в полутораэта метрах от них на мостике, перекинутом через канаву, остановился прохожий, явно заинтересовавшийся тем, что там происходило.

– А где немец? – спохватился Закурко.

– Чёрт с ним, с немцем! Уходим! – поторопил Вовенко.

Добежав до ближайшей рощи, осмотрелись – среди них не было Яценко. Алексей считал его своим земляком: до войны он работал в Липецком военкомате. Яценко звали, искали вокруг – нету, пропал человек. Вернулись на опушку рощи и увидели Яценко на том самом мостике, где до этого стоял прохожий. Рядом с ним был охранник в белых трусах. Яценко снял свой китель, набросил его на плечи немца, и они побежали в сторону хутора. Вовенко хотел по ним стрелять, но его вовремя остановил Закурко. Стрельбу услышали бы в хуторе и подняли бы тревогу раньше, чем туда добрались бы охранник с Яценко. Нужно было, не мешкая, уходить подальше от этого места и попытаться надёжнее укрыться от погони. Вовенко скомандовал: “Врассыпную!” – после чего все бросились в разные стороны.

Алексей побежал за Дмитрием. Сзади он слышал топот ног и думал, что это бежит Лебедев. Когда же на другом конце рощи они остановились, чтобы перевести дух, то вместо Лебедева увидели рядом Ивана Полтавца. Василий же, скорее всего, присоединился к Аркадию, с которым воевал в одном батальоне. Однако раздумывать и сожалеть об этом было некогда. За рощей спустились в канаву и пошли по воде, чтобы сбить со следа овчарок. Несколько раз поочерёдно выходили то на один берег, то на другой. Им повезло, что в то утро выпала обильная роса и крестьяне повременили с выходом в поле.

Впереди замаячила вышка лесника. Сверху обзор хороший, и оттуда их могли заметить. Трава тоже почти высохла. Спрятаться решили в ближайшей роще. Под деревьями нашли муравейник, разрыли и потоптались на нём подшовами. Тут же все помочились в одно место, и ещё раз каждый испачкал свою обувь образовавшейся жижей. Эти простые способы спасения от четвероногих ищек Закурко усвоил за те месяцы, которые ему пришлось находиться во вражеском тылу. В роще выбрали раскидистый куст орешника. Алексей прикрыл Вовенко и Полтавца прошлогодней листвой: “Вы, хлопцы, тут поспите, а я рядом буду сторожить”. Роща, где они спрятались, была

небольшой. Её со всех сторон окружали поля, с которых доносились выкрики людей, выехавших на уборку урожая. Закурко напряжённо вслушивался в звуки начинающегося сельского трудового дня. Громкий, похожий на команду окрик заставил его насторожиться. Затем послышались ещё крики и хриплый лай взвзданных поводками собак. Алексей ощутил холодок между лопатками. Ему нестерпимо захотелось броситься наутёк от приближающейся погоны. Несколько мгновений страх боролся с трезвым рассудком. Паниковать в их положении было действительно смертельно опасно. Беглецам ничего не оставалось, как затаиться и ждать. При этом – ни звука: ни кашля, ни единого шороха, ни нечаянно оброненного слова.

Лай собак уже слышался рядом, где-то справа на лесной опушке. Чётко различались команды офицера и топот солдатских сапог. Собаки долго кружились на месте. Закурко казалось, что ещё немного – и их обнаружат. Но, похоже, их нехитрые предосторожности подействовали, и лай сбитых с толку овчарок стал отдаляться.

Пролежали под ореховым кустом до наступления темноты. Перед восходом луны, когда сумерки так сгустились, что хоть глаз выколи, беглецы вышли из рощи и по свекольному полю побежали в ту сторону, где, по предположению Закурко, пасся скот. В Германии коровы пасутся на привязи, без пастуха. Возле них можно было наконец-то напиться и откашляться, не опасаясь, что тебя обнаружат преследователи. Здесь же перекусили тем, что прихватили с собой в сумках. Прежде чем двинуться дальше, Закурко на звёздном небе нашёл Полярную звезду. Северное направление выбрали не случайно. Алексей понимал, что в первые дни после побега преследователи наверняка постараются перекрыть им путь на восток.

Идти решили по одному на расстоянии. Первым шёл Закурко, вслед за ним, шагах в двадцати, двигался Полтавец и прилизительно на таком же удалении шёл замыкающим вооружённый винтовкой Вовенко. Алексей был всё время начеку. Ему приходилось выбирать путь при тусклом лунном свете в совершенно незнакомой местности. В таком положении хорошие уши были нужнее глаз. Он ловил каждый звук, каждый шорох, чтобы вовремя спрятаться, затаиться, избежать нежелательной встречи. Попадись они на глаза любому немцу, их сразу бы обложили, как волков на охоте, и наверняка бы быстро поймали.

Укрыться днём от посторонних глаз на равнине, где каждый клочок земли возделывался человеческими руками, было тоже непросто. Первую днёвку пришлось провести в роще у края торфяного поля. В канаве сделали подстилку из веток, а вокруг натыкали небольшие сосенки. Укрытие оказалось вполне надёжным, и беглецам удалось хорошо отоспаться до наступления сумерек. После отдыха захотелось подкрепиться, но в сумках было почти пусто. Ничего не поделаешь, пришлось отправляться в путь голодными. Теперь Закурко пришлось не только напряжённо вглядываться в темноту и вслушиваться в ночную тишину, но и думать, как добыть пропитание.

Первые дни пришлось питаться тем, что удавалось находить на полях, огородах, в садах. Только на подножном корме долго не протянешь, а им предстояло пройти сотни километров. За свою жизнь Алексей никогда и ничего не украл, разве что колоски с колхозного поля, а тут, хочешь – не хочешь, приходилось начинать по-настоящему воровское существование.

На следующую ночь заглянули к зажиточному крестьянину на хутор. Через небольшую дверцу цокольной части дома по наклонному бетонному жёлобу Закурко проник в подвал. Полтавец остался ожидать его снаружи, а Вовенко в стороне наблюдал за домом, чтобы предупредить товарищей, если неожиданно появится кто-нибудь из его жильцов.

Алексей набил сумку продуктами и попытался вылезти обратно, но не смог. Колени скользили вниз по гладкому дну крутого жёлоба, а руками ухватиться было не за что. Закурко испугался не на шутку – сам залез в западню. Он снова и снова пытался добраться до наружной дверцы, но у него ничего не получалось. Ему уже начало казаться, что положение безвыходно, как вдруг вспомнил про лежавшую в сумке верёвку. Он бросил её конец Полтавцу и при его помощи выбрался наружу.

К общему разочарованию, сумка Алексея была пустой. Её содержимое он оставил в подвале, когда искал верёвку. Уже покидая хуторской двор, Иван Поставец прихватил с собой живого гуся, предусмотрительно засунув

его голову под крыло. Этот единственный трофей ему пришлось тащить до следующей днёвки.

СКИТАНИЯ ПО РЕЙХУ

На берегу небольшой речушки беглецы спрятались в густом кустарнике. Первым делом зарезали гуся. Полтавец снял с него шкуру вместе с перьями, выпотрошил и разрезал на куски. Все смотрели на чистое, разложенное на листьях мясо, и каждый думал: “Если бы можно было развести огонь...”

Закурко первый взял гусиную шейку и начал её потихоньку обгладывать. Сырого гуся троём жевали до вечера. После им придётся ещё не раз охотиться на домашнюю птицу немецких бауэров, и они придут к общему мнению, что в сыром виде вкуснее всего (хотя вряд ли здесь уместно употреблять слово “вкусно”) утка, а курицу просто в рот взять невозможно.

Алексею как разведчику недопустимо было повторять однажды совершённую ошибку. В следующий раз, спускаясь в подвал, он предусмотрительно запасся длинной жердиной, по которой легко и быстро выбрался к своим товарищам с туго набитым мешком. Однажды Закурко прихватил с собой несколько выделанных кож. После очередной днёвки все трое бесшумно шагали в мягкой обуви. Сделать её не составило большого труда: разрезали на подходящие куски, проделали дырочки по краям, затащили шнурки — и готово. В такой обуви их даже собаки не слышали.

Беглецы шли на север почти неделю. Вовенко и Полтавец несколько раз предлагали повернуть на восток. Закурко понимал их нетерпение, потому что и самому хотелось того же, но он настоял на том, чтобы идти на запад и тем окончательно сбить с толку тех, кто их искал. И только на седьмой день, после того как они сменили направление с северного на западное, Закурко решился, наконец, повернуть на восток. Полтавец в обсуждении маршрута движения участия не принимал. В их группе он добросовестно исполнял роль носильщика продуктов, которые ночью добывал Алексей. Вовенко по-прежнему шёл сзади, но теперь он, кроме французской винтовки, тащил ещё и портфель с неприкосновенным запасом. Закурко шёл впереди. Его слух до того обострился, что постоянно что-то громко жевавший Полтавец вызывал у него болезненное раздражение. Во время ночных переходов Алексей старался правильно выдерживать направление. В ясную погоду это было просто: если Полярная звезда находилась слева, значит, они шли на восток. Когда небо закрывали тучи, ориентироваться было намного сложнее. Один раз попробовали выбирать направление по ветру и к утру пришли к той скирде, в которой провели предыдущий день.

Август подходил к концу. День заметно укорачивался, отдавая часы набирающей силу ночи. Появилась возможность увеличивать ночные переходы и тем самым ускорить приближение к заветной цели. Им нужно было поторопливаться ещё и потому, что до наступления холодов оставалось совсем немного времени, а у них не было ни тёплой одежды, ни подходящей обуви. Однако увеличить расстояние переходов было непросто. Много времени отнимала добыча пропитания. Закурко стремился свести до минимума риск операций по изъятию продуктов из частных кладовых. А для этого им приходилось долго наблюдать за заранее облюбованным домом, ожидая, пока все его обитатели крепко уснут. В подвалах Алексей работал быстро, как заправский домовщик. Закрывал окна, зажигал свечу и выбирал то, что считал для них подходящим. При этом старался не оставлять следов своих нелегальных “заимствований”. Например, банки с домашними консервами брал не у края полки, а от стены, колбасу с вешалки срезал не подряд, а в разных местах. Однажды попался уже надрезанный большой бисквитный торт. Закурко не взял его весь, а только отрезал кусок. Но даже такая осторожность не могла уберечь от неожиданностей. Первый раз такое случилось ещё под Ганновером, вскоре после того, как они повернули на восток. Поздно вечером с горы спустились в долину. Впереди показались неясные очертания большого крестьянского дома, в котором светилось лишь одно окно на втором этаже. Бесшумно пробрались на просторный хозяйственный двор и затаились у стены длинного сарая в ожидании, когда в окне погаснет огонь. Около полуночи Закурко направился к той части дома, где, по его предположению, находилась кухня. Вовенко с Полтавцем следовали за ним в нескольких шагах. Алексей подошёл к двери кухни,

и в этот момент громкий мужской голос подал команду собаке. Бежать в таком положении было бесполезно. Закурко лёг у стены кухни, а его спутники — вдоль брёвен, сложенных посредине двора. Собака вела себя странно. Она со злобным рычанием бросалась вперёд и снова возвращалась к идущему за ней хозяину. Полагая, что крестьянин его заметил, Алексей поднялся и сразу же оказался в крепких крестьянских руках. Отчаянно вырываясь, он позвал на помощь Дмитрия. Тот подскокил, ударил немца прикладом по голове и бросился наутёк. Удар получился вскользь. Крестьянин на секунду отключился, но полуитальянской накидки, которая прикрывала плечи Закурко, из рук не выпустил. Воспользовавшись моментом, Алексей вытащил голову из накидки и бросился догонять товарищей. В ту ночь он их чуть было не потерял.

Следующие две недели прошли без происшествий, а в последний день августа Закурко опять чуть было не “застукали”. Поначалу всё шло хорошо: легко открыл дверцу, бесшумно спустился в подвал, Полтавец передал вниз мешок. Осталось занавесить окно и зажечь свечу. И в этот момент совершенно неожиданно под потолком загорелась электрическая лампочка, и сверху раздался громкий крик: “Банде! Банде!” После Алексей никак не мог вспомнить, как ему удалось выскочить из подвала. Бежали без оглядки по полю километра два, пока располневший от непрерывного жевания Иван не начал задыхаться. В тот вечер пришлось подкрепляться колбасой из неприкосновенного запаса. А пять дней спустя, ровно через месяц после того, как они совершили побег, произошло несчастье.

Поздно вечером на спящей деревенской улице они повстречали немца в гольщуге (деревянных башмаках). Уже по самой обуви было понятно, что это крестьянин — бедняк, батрачивший на местного бауэра. Закурко решил на этот раз не домушничать, а просто попросить, чтобы немец вынес им за деревенскую околицу хлеба, немного сала и спичек. Крестьянин вроде бы охотно согласился и тут же вернулся с несколькими бутербродами и неполной коробкой спичек. То, что он принёс на троих мужиков, было мало, но посылать его второй раз за добавкой в их положении было бы опрочметливо.

Получив еду, они направились в поле к большой, стоявшей на пригорке скирде, окружённой в три ряда колючей проволокой. И в тот момент, когда замыкавший шествие Вовенко преодолел последний ряд заграждений, со стороны деревни прогремели винтовочные выстрелы.

Алексей бросился за скирду, пролез под двумя рядами ползком, а третий ряд проволоки перемахнул сверху. Он всё время слышал за спиной топот ног и надеялся, что это бежит Дмитрий, но когда остановился, чтобы перевести дух, на него чуть не налетел Иван Полтавец.

— А где Вовенко? — ещё не отдышавшись, спросил Закурко.

— Не знаю, — выдохнул из себя совсем выбившийся из сил Иван, — я думал, что вы побежали вместе.

— Нужно искать, — решил Алексей.

Они хотели вернуться к скирде, но там уже были немцы. С той стороны сверкнуло несколько огоньков, и снова прогремели выстрелы. Пули просвистели в стороне и выше. Закурко и Полтавец легли на землю. Подали сигнал свистом, надеясь, что Дмитрий их услышит. В ответ — только ещё более частые выстрелы. Они почти час бегали по полю под огнём, не переставая звать Вовенко, но тот так и не откликнулся. О том, что с ним случилось, Закурко мог только догадываться. У него за спиной висели длинная винтовка и портфель с неприкосновенным запасом. И именно эта громоздкая ноша, скорее всего, помешала ему быстро преодолеть забор из колючей проволоки.

Весь следующий день Алексей с Иваном пролежали в зарослях тростника у какого-то озера. День был пасмурным, накрапывал мелкий дождик. Настроение у Закурко совсем упало. С потерей Вовенко он потерял веру в успех такого невероятно сложного побега. Полтавец же с самого начала казался ему не очень надёжным товарищем. Но оставаться в центре вражеской страны совсем одному было ещё хуже.

Дождавшись ночи, они пошли дальше, теперь уже вдвоём. Закурко понимал, что предаваться горестным мыслям в их положении было непозволительной роскошью. Ведь надеяться они могли только на себя.

Через пятьдесят ночей после исчезновения Вовенко они вышли к Эльбе. Эту широкую судоходную реку пришлось преодолевать вплавь. Почти час провели в воде, а на дворе уже был конец октября. Когда у Закурко ногу свело

судорогой, думал, что придётся жизнь кончать по-чапаевски. К счастью, на этом месте началась отбель, и он прошагал по дну до берега.

За Эльбой Закурко с Полтавцем в течение трёх недель продолжали своё опасное путешествие без вынужденных погружений в студёную речную воду. Перед вечером 18 ноября, поднявшись на холм, они снова увидели перед собой большую реку. Спускаясь по тропинке к берегу, беглецы встретили четырёх девушек, возвращавшихся с работы и о чём-то громко говоривших между собой. Первая реакция была: повернуть в сторону, чтобы избежать встречи с ними, но в самый последний момент ухо Закурко уловило родную русскую речь. Вот так встреча! Девчата тоже обрадовались, когда два подозрительных парня в поношенной форме немецких солдат заговорили с ними на их языке без акцента. Алексею приятно было узнать, что девушки из Орловской области. Здесь, на далёкой неметчине, они для него, воронежца, были землячками. Он смотрел на эти милые лица, и слезы невольно подступали к его глазам. Жаль, что ребята не могли с ними поговорить подольше. Девушки рассказали им, что большую реку называют Одер, что в километре вниз по течению есть паромная переправа, но им идти туда они не посоветовали. Подозрительных людей без документов немецкая полиция задерживала без разговоров.

Алексей и Иван на прощание поблагодарили девчат и грустно пошутили: “Если нас поймают и будут вешать, придёте проститься? Нам веселее помирать будет”. Девчата встретили эту печальную шутку без улыбки, пожелали благополучной переправы и пошли своей дорогой. После этой встречи Алексею сразу стало тоскливо. Погода тоже действовала угнетающе. Перед этим весь день шёл мокрый снег, а под вечер повалил крупными влажными хлопьями. Они с Полтавцем спустились в речную пойму и спрятались в густых прибрежных камышах. На их одежде не осталось сухой нитки, а промозглый холод пробирал, что называется, до костей. Просидев в камышах до сумерек, они так и не решились переправляться вплавь через Одер. Под старой, дуплистой ракитой разделись, выжали воду из промокшей одежды и пошли вниз по реке туда, где, по словам девчат, между берегами курсировал паром.

На паром беглецы пробрались в темноте благополучно. Они присели на скамейку в носовой части и с замершими сердцами стали ждать конца переправы. Уже когда подошли к противоположному берегу, немец, управлявший паромом, посветил на них карманным фонариком. Этого было достаточно, чтобы понять, кто они такие. На пристани к беглецам подошёл жандарм и потребовал предъявить документы. Предъявлять было нечего, и Закурко с Полтавцем отвели в камеру предварительного заключения. Случилось это в тринадцати километрах от города Кюстрина на сто четвёртый день побега. В ту ночь в КПЗ дежурил пожилой надзиратель, который неожиданно проявил сочувствие арестованным, поделившись с ними ужином, который принесла ему жена. На этот жест немца подвигло воспоминание о том, что в первую мировую войну ему пришлось побывать в русском плену, и его тоже кормили добрые русские люди.

СНОВА ПЛЕН

Утром задержанных на пароме военнопленных перевели в карцер. В тесной камере стоял всего один топчан. Его занял Иван, а Алексей лёг на пол. Чтобы не задохнуться от камерного смрада, он жадно вдыхал воздух, проникавший из щели под дверь. В полдень заскрежетал дверной запор. Закурко не успел оторвать голову от пола, как получил сильный удар ногой от ввалившегося в камеру полицейя. Последовавший после этого многоэтажный мат подсказал узникам, что в карцере “опекать” их будет соотечественник. Небрежно, как собакам, он швырнул им по куску чёрствого хлеба и поставил на топчан две кружки воды. И тут же отработанным сильным ударом поднял дремавшего Полтавца, строго предупредив, чтобы впредь его встречали только стоя. Процедил сквозь зубы: “Ешьте, скоты!” — и вышел, громко хлопнув оконной дверью. Так они познакомились с надзирателем Иваном из Кировской области.

Полицей-соотечественник бил своих подопечных по поводу и без повода. И похоже было, что он давал волю своим кулакам не из желания выслужиться, а от потребности дать выход своей внутренней злобе... Совсем по-другому отнесился к заключённым начальник КПЗ. Этот аккуратный, уравновешенный,

благοговевший перед законом немец не терпел самоуправства. Когда Закурко пожаловался ему, что надзиратель отобрал у него часы, он строго отчитал полицая и тут же заставил их вернуть. Однажды этот начальник даже спросил у Алексея, что он может для них сделать. Закурко высказал пожелание, чтобы тот оставил их в здешнем лагере. В ответ немец только развёл руками:

— Этот лагерь предназначен для англичан и американцев, а вы — русские. И ещё вы совершили тяжкое преступление — нарушили сразу несколько германских законов военного времени. Судьи вас обвинят в злостном саботаже и дезертирстве. Вы три с половиной месяца нелегально проживали на территории рейха, занимаясь грабежом. По нашим законам вас можно судить только за то, что вы пили крестьянское молоко, предназначенное к сдаче государству. У нас сейчас цельное молоко имеют право пить только кормящие матери.

В КПЗ под Кюстрином Закурко с Полтавцем просидели больше трёх недель. В одну из декабрьских ночей их неожиданно поднял Иван и повёл к начальнику. На вопрос Алексея, что с ними собираются делать, надзиратель, не скрывая злорадства, процедил сквозь зубы:

— Скоро узнаете. Там, куда вас отправят, долго не протянете.

В кабинете начальника КПЗ им надели наручники и вместе с шестью другими арестованными под усиленным конвоем отправили на вокзал.

Поезд шёл медленно, со всеми останковками. Перед рассветом вагон стали заполнять едущие на работу пассажиры. Закурко не мог не думать о том, что их ожидает. Невесёлые мысли вызывали чувство безысходности, нагоняли тоску. Чтобы от них отвлечься, Алексей попросил Ивана что-нибудь спеть. Полтавец запел сразу, как будто ещё до просьбы друга уже безмолвно, про себя, пел эту песню, а теперь она вырвалась на волю и зазвучала для всех:

*— Маю жинку, маю диток, да я их ны бачу,
Як згадаю про их долю, сам гирко заплачу.*

Вагон сразу затих. Немцам непонятны были слова, но красивая мелодия грустной украинской песни тронула всех. Конвоиры тоже слушали молча, и их начальник слушал, ничего не предпринимая, чтобы пресечь явно вызывающее поведение арестанта. А Иван продолжал петь, и слёзы катились по его давно не бритым щекам. Когда он закончил, к нему подошла пожилая немка, вынула из своей сумки небольшой свёрток и положила на полу его шинели. За нею стали подходить другие пассажиры, и каждый оставлял ему что-нибудь в знак благодарности.

После Иван разделил неожиданно собранное подаяние поровну между всеми товарищами по несчастью, и они в последний раз нормально поели, перед тем как долгие месяцы ежедневно голодать за колючей лагерьной проволокой.

Вечером приехали в Веймар. До лагеря шли пешком. Восемь этапников — посредине дороги и четыре конвоира — по сторонам. Погода окончательно испортилась. Сырой пронизывающий ветер кружил крупные хлопья снега. Начальник конвоя всё время поторапливал: “Шнеллер, шнеллер!” Алексей чувствовал, что выбивается из сил. На деревянные подошвы его гольцшуге всё время налипал снег, и ноги в коленях гнулись не вперёд, а набок, причиняя острую боль.

БУХЕНВАЛЬД

Когда совсем смерклось, пленные подошли к большим металлическим воротам, над которыми бросалась в глаза зловещая надпись: “Каждому своё”. Их привели в тот самый Бухенвальд, который на Нюрнбергском процессе судьи назовут лагерем смерти.

Заскрежетали ворота, втягиваясь в боковую стенку. Во дворе лагеря с прибывших военнопленных сняли наручники и направили на санобработку. В предбаннике всех заставили раздеться. С собой никаких вещей брать не разрешили, кроме носков и носовых платков. Перед душевыми камерами каждый должен был, закрыв предварительно глаза и нос, нырнуть в бассейн с дезинфицирующим раствором. После мытья в бане перегнали, в чём мать родила, в другое здание. Здесь вновь прибывшие заключённые получили одежду. Никакой предварительной примерки. По очереди подходили к окну,

из которого выбрасывали рубашку, брюки, полосатый пиджак, миюце (шапочку). Закурко достались слишком маленькие ботинки. Он попросил заменить. Ему выбросили другие, сильно поношенные, но почти впору. Обратиться с повторной просьбой, чтобы обменяли обувь, не дали. В этом заведении не терпели заминок. Быстрее на выход и бегом в семнадцатый барак. Старший по барaku – рослый и внешне суровый немец – показал новичкам места на нарах. Обитатели семнадцатого звали его просто Вилли. Коммунист-тельмановец, он тянул лагерную лямку с 1933 года. В наказание за побег ему несколько лет назад отрубили все пальцы на ногах.

Соседями на нарах у Закурко оказались испанец, норвежец, поляк и немец. При знакомстве – обычные вопросы: как зовут, откуда, чем занимался, как попал в лагерь? Алексею как новичку пришлось больше говорить о себе. Вечерами он рассказывал своим соседям о своих приключениях на фронте и во вражеском тылу.

В один из первых дней пребывания Закурко в Бухенвальде, когда заключённые из барака № 17 шли на плац, идущий сзади заключённый несколько раз наступил Алексею на пятки. Обернувшись, он встретился взглядом с коренастым человеком средних лет, который кивнул Закурко, мол, отойдём в сторону. Этот заключённый оказался белорусом, бывшим политруком партизанского отряда.

– Ты, парень, веди себя осторожнее и поменьше рассказывай о фронтовых похождениях. Не забывай, где ты находишься.

Алексею дали понять, что в этом лагере за поведением узников следят не только надзиратели, и решил впредь быть осмотрительнее. В одну из ближайших ночей его разбудил Вилли.

– Одевайся. Пойдём с ним, – указал он на стоящего рядом заключённого. – С тобой хотя бы поближе познакомиться.

Шагая по спящему лагерю вслед за своим проводником, Закурко терялся в догадках. Куда и зачем его вызвали? Он уже слышал рассказ о том, как заключённые ночью сажают приговорённых на камень, а утром выносят под рогожей на свалку. Неужели и ему уготована такая участь?

Провожатый подвёл Алексея к обычной барачной двери, открыл её и пригласил войти. За дверью большая, неярко освещённая комната. Посредине неё стояли составленные в виде буквы “Т” столы, за которыми сидели десять одетых в лагерную форму мужчин. Один из них предложил Закурко сесть и спросил:

– Кушать хотите?

– Если можно... – робко с нескрываемым недоумением ответил он, весь поглощённый вопросом: “Куда же я попал?”

Принесли миску с едой. Алексей ел, а члены этого странного президиума негромко разговаривали между собой. Когда он закончил, предложили добавку. Отказываться не стал, и не только потому, что не наелся, а больше оттого, что увидел в этом хороший признак для себя, ибо вряд ли они стали бы досыта кормить человека, которого хотели в чем-то обвинить.

После необычно обильной трапезы Алексея начали допрашивать. Вопросы задавали много, охватывая время от рождения до побега. Добивались подробных обстоятельных ответов. Особенно досконально разбирались в делах военных. Где и с кем выполнял задания во вражеском тылу, как попал в плен? Некоторые вопросы задавали по несколько раз, чтобы сравнить ответы. Допрос занял несколько часов. И последний вопрос задал “дядя Коля” (так заключённые за глаза называли полковника Красной армии Симакова): “Готовы ли вы умереть за своих лагерных товарищей?” Закурко ответил утвердительно. В эту памятную ночь он был принят бойцом в батальон, который лагерное подполье создавало для освобождения заключённых.

В январе 1945 года Алексея неожиданно перевели в один из филиалов Бухенвальда. Здесь его послали работать на военный завод, располагавшийся в старой соляной шахте. На новом месте Закурко сразу приняли как своего. Связь между центром и филиалами работала надёжно. Большинство заключённых, работавших на этом заводе, были также вовлечены в подготовку восстания, которое должно было начаться по сигналу: “Котёл взрывается одновременно”. Алексею сообщили номера двух заключённых, с которыми он должен был в первые минуты восстания ликвидировать охранника в одном из секторов подземного завода.

До выступления оставались считанные дни, когда Закурко перевел в другой филиал лагеря, располагавшийся в городе Шонебеке под Магдебургом. Здесь он поступил в распоряжение “дяди Вани” (шахтёра из Донбасса), который поручил ему роль связного. Его напарником оказался земляк – танкист Сергей Рогачук из Алексеевского района. На новом месте Алексей не пошёл на работу, а постоянно находился в бараке или возле него, поближе к “дяде Ване”. Обстановка в это время была непредсказуемая. Фашистская Германия агонизировала под ударами армий союзников. Среди заключённых ходил слух, что американские войска уже под Магдебургом. Дорога в сторону Мюнхена была забита колоннами отступающих немецких дивизий и машинами с беженцами. Филиал лагеря должны были вот-вот эвакуировать. Закурко и Рогачук сбились с ног, передавая из барака в барак распоряжения “дяди Вани”: “Если из лагеря заключённых поведут в сторону карьера, нужно, не дожидаясь общего сигнала, поднять восстание”.

Одиннадцатого апреля заключённых выстроили на лагерном плацу. За ворота выходили группами по четыреста человек, каждую из которых охраняли сорок конвоиров. В этот момент в небе неожиданно появились истребители и сразу же открыли огонь по скоплению людей. Налёт нарушил порядок эвакуации лагеря. Заключённых уже не делили на группы, и их общая, утратившая чёткие ряды колонна растянулась на многие сотни метров. На подходе к Эльбе дорога пошла по насыпи, к которой справа и слева подступал густой кустарник. Недалеко от моста человек двадцать заключённых бросились к кустам. Конвоиры открыли по ним огонь из винтовок, но никто из охранников даже не попытался преследовать беглецов. Рогачук тихонько толкнул Закурко:

– Давай за ними!

– погоди. Перейдём мост, потом.

Солнце зашло. Вечерние сумерки быстро сгущались. Колонна заключённых растянулась ещё больше, а конвоиры, наверное, из-за опасения за свою жизнь, стали собираться по несколько человек вместе. Алексей не знал, что именно в это время, в ночь с одиннадцатого на двенадцатое апреля 1945 года в Бухенвальде восстали заключённые. Кажется невероятным, но восставшие этого строжайше охраняемого лагеря оказались неплохо вооружёнными. У них было 128 винтовок, фаустпатроны и радиостанция. Охрана, почти не сопротивляясь, покинула лагерь.

За мостом Алексей оглянулся назад. Солдаты, сбившись кучкой, в полу-сотне метров от них шагали по обочине дороги.

– Теперь пора. Считаю до трёх...

Закурко сделал стремительный рывок к краю насыпи и кубарем покатился вниз. “Только бы ничего не сломать”, – мелькнуло у него в голове. Спуск, к счастью, прошёл удачно. Быстро поднялся на ноги и нырнул под ивовый куст. Заросли скоро кончились, а за ними началась пашня. Бежать стало тяжело, ноги вязли в рыхлой земле. С дороги послышалось несколько выстрелов, но пули пролетели высоко над головой.

Алексея догнал Сергей, и они побежали медленнее. За ними ещё кто-то бежал. Через несколько минут его тяжёлый топот, сопровождавшийся прерывистым дыханием, начал удаляться. Закурко было слышно, как бежавший за ним человек споткнулся и упал. Пришлось вернуться. Они помогли заключённому подняться. Он совсем обессилел и со слезами в голосе просил: “Не бросайте, не бросайте меня, ребята!” Так к ним присоединился бывший армейский контрразведчик Иван Наумович Коваленко из Кировоградской области.

И опять для Закурко начались скитания по Геримании. И так же, как и в этот раз, к ним неожиданно присоединился третий человек. Препятствие очень пригодился Алексею. Ему опять пришлось выбрать дорогу и проявлять находчивость в добыче пропитания. Отличие было только в том, что теперь они отказались от ложных манёвров и сразу повернули на восток, навстречу наступающей Красной армии.

Первая неделя после побега для них прошла благополучно, а в начале следующей недели, 19 апреля, случилось несчастье. Беглецы пробрались вдоль изгороди дачного посёлка. Полная луна только что выглянула из-за верхушек деревьев темневшего впереди леса. Стояла чуткая полночная тишина. Резанувший слух громкий винтовочный выстрел слился со страшным криком Сергея Рогачука. Пуля попала ему в голову, и, когда Алексей нагнулся над ним, он уже не подавал признаков жизни. Оставив мёртвого Сергея около

изгоряли, Закурко с Иваном Коваленко побежали к лесу. По ним больше не стреляли, погони тоже не было. И так же, как в первый побег, Алексею пришлось продолжать путь со случайным напарником. Тогда они ещё не знали, что до встречи со своими остались считанные дни.

После гибели Рогачука четыре ночи старались держаться подальше от населённых пунктов и торных дорог, по которым нескончаемым потоком двигались колонны отступающих гитлеровцев. На очередную днёвку остановились в молодом густом соснячке в километре от деревни Зайда. Как-то незаметно апрельское небо померкло, набежали тучи, начал накрапывать дождик. Закурко с Ковалевым натянули на головы свои полосатые куртки и стали ждать, когда выглянет солнце. Сквозь шум дождя Алексей услышал какое-то подозрительное шуршание. Заглянул за соседний ряд сосенок, а там ещё двое таких же, как они, беглецов спят, укрывшись плащ-палаткой. Те спросонья хотели бежать, но быстро разобрались, что их потревожили свои.

У Алексея с Иваном было ведро картошки, которую им удалось позаимствовать ночью в ближайшей деревне. Картошку сварили и пригласили друзей по несчастью отобедать вместе. Они уже кончали трапезу, когда услышали рядом немецкую речь и треск сухих веток. Из соседнего крупного леса прямо на них шли человек двадцать мужчин и женщин с топорами и лопатами. Они очищали деревья от сушняка. Закурко и его спутники, оставив недоеденную картошку, бросились прочь. Немцы их заметили. Они махали руками и что-то кричали им вслед, но у беглецов не возникло желания пообщаться с этими лесными санитарями. Убежали и только на следующий день поняли, что убежать-то не стоило.

Утром 23 апреля, пробираясь по лесу рядом с проселочной дорогой, Алексей отчётливо слышал протяжное: “Но-о-о!..” По дороге шло несколько подвод, на которых ехали разведчики 5-го танкового корпуса. Фронтвики встретили узников Бухенвальда действительно по-братски. Они все им сочувствовали, проявляли трогательное внимание. Разведчики сразу взяли их с собой, переодели и дали строгий наказ своему повару кормить гостей, когда те пожелают. Так прожили они с Ковалёвым около недели, а потом их вывезли в особый отдел. Там допросили и отправили на сборный пункт, где таких, как они, уже собралось несколько тысяч. Здесь пару дней покантовались и — в эшелон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

До границы с Советским Союзом везли, как победителей, а когда ступили на свою территорию, отношение резко изменилось. Теперь все они превратились в людей, подозреваемых в измене Родине. Эшелон разгрузили возле Невеля, и его пассажиров погнали в лес. Сюда, на необустроенную, но уже ограждённую территорию свезли около 20 тысяч офицеров, освобождённых из плена. Здесь Закурко пришлось браться за топор. Предварительно без суда заключённые, они сами должны были валить деревья и сооружать из брёвен примитивное лесное жильё. В это же время военные следователи неустанно занимались проверкой каждого офицера, которую называли “филтрацией”.

Алексея Закурко допрашивал майор Ежов. Поначалу он старался быть сдержанным, спокойно отвечал на многочисленные вопросы следователя. Но время проходило, а вызовы на допрос продолжались, и это всё больше раздражало Алексея.

— Почему вы так строго меня проверяете? — допытывался он у следователя, рискуя испортить с ним отношения. — Я совершил два побега из фашистских лагерей, а вы мне верите меньше, чем другим.

— А кто знает, где и для чего вы бегали? Вас было всего только двое, и подтвердить ваши показания больше некому. Да и куда это вы так спешите?

Проверяли разведчика Закурко больше полугодом. Освободили 4 декабря, накануне Дня Сталинской Конституции. Он мог ехать на все четыре стороны с двумястами рублями в кармане, а буханка хлеба в то время стоила 120 рублей.

Пришлось ехать в Псковскую область, где в 1943 году его разлучили с разведчиками группы, где его знали местные подпольщики и партизаны, где он оставил своего самого большого и верного друга Татьяну Ивановну

Янсон. Псковские встретили Закурко радушно. Он снова оказался среди людей, с которыми почти год близко общался, выполняя опасное задание командования в тылу врага. Эти люди искренне желали ему добра. Они подарили ему пальто и собрали немного денег, чтобы он смог съездить в Москву, где надеялся отыскать начальника разведотдела Северо-Западного фронта полковника Деревянко, у которого перед последним заданием остались его документы и ордена. В столице своего бывшего начальника Закурко найти не смог. Частному лицу получить информацию о полковнике армейской разведки у военных чиновников было невозможно.

В феврале 1946 года Алексей Яковлевич Закурко вместе с Татьяной Ивановой Янсон, ставшей незадолго перед этим его женой, вернулся в родную Архиповку. Его мать, Мария Фёдоровна, встречала сына, можно сказать, с того света. В 1943 году в разведотдел фронта радист разведчиков передал сообщение, что командира их группы немцы повесили. В хату Марии Фёдоровны горе в тот год пришло в третий раз. Её муж, Яков Моисеевич, ещё в 1942-м пропал без вести где-то под Севастополем, а младший сын, Митрофан Яковлевич, воевавший в батальоне лыжников, сложил голову в 1941 году под Москвой. Возвращение сына для вдовы фронтовика было одновременно и утешением, и напоминанием о невосполнимых утратах.

Алексею Яковлевичу тоже недолго пришлось радоваться возвращению на родную землю. В соответствующих органах ему сразу же дали понять, что его ещё до конца не “профильтровали” и поэтому полноправным гражданином страны не считают. Вместо обычного “молоткастого, серпастого” Закурко получил временное удостоверение с красной полосой, которое лишало его права выезжать за пределы Россошанского района. Поиски работы тоже не дали результата. В районе ему вежливо ответили: “Ждите до нового учебного года”. Алексей Яковлевич пошёл в райком хлопотать о восстановлении в партии, но и там ему дали от ворот поворот. Военная судьба разведчика Закурко не укладывалась в прокрустово ложе постановлений и указаний, которыми руководствовались партийные чиновники.

— Посудите сами, — говорили ему, — мы имеем документ, что вас повесили немцы, а вы, оказывается, живы. Как вы уцелели? Может, ценой предательства? Где ваши партийные документы? Кто за вас может поручиться?

От общения с местными партийными и советскими властями у Закурко появлялось горькое чувство безысходности. Порой ему даже казалось, что в фашистском плену ему было не так тяжело, как на своей родной земле. В то время единственной опорой и настоящим другом была у него Татьяна Иванова. В марте 1946 года директор Архиповской школы решил принять Закурко на работу завхозом. В следующем учебном году новый завхоз переквалифицировался в учителя начальных классов. Одновременно поступил учиться на физмат Россошанского учительского института, который окончил спустя два года. Получение высшего образования Алексей Яковлевич завершал в Воронежском педагогическом институте.

Максим Горький однажды сказал, что человека создаёт сопротивление окружающей среде. Наш учитель из Архиповки на своём личном примере убедился в истинности слов писателя. Семь лет он потратил на запросы в соответствующие ведомства, чтобы ему вернули его награды. В партию ему пришлось вступать заново в 1961 году, а негласный надзор за бывшим военным разведчиком районный отдел КГБ снял только в конце семидесятых.

Алексей Яковлевич Закурко отработал в Архиповской средней школе ровно сорок лет, из которых девять лет был завучем и пятнадцать — директором. За это время Архиповскую школу закончили четыре поколения учеников. Выпускники пятидесятых годов уже давно имеют внуков, но в их памяти Алексей Яковлевич навсегда остался лучшим учителем, добрым и честным человеком.

Война была бесчеловечно жестокой, но безошибочной проверкой нравственных и деловых качеств десятков миллионов граждан страны Советов. К сожалению, очень немногие из тех, кто выдержал этот жестокий экзамен, заняли после войны места во властных структурах, соответствующие их качествам. Широко распространённая во время войны “фильтрация” была очень несовершенным человеческим отбором, а не праведным, Божьим, который, по словам поэта, “не доступен звону злата”.